

Игорь Зайонц

Мастер из Балаханов

Десять миллионов лет назад Великое море, омывавшее восточные берега Кавказа, откатилось в глубоководную впадину, замкнутую с юга мощной подковой Эльбурских гор. Обсохшее морское дно плоско лежало, блестя солонцами, в шорохе степных трав, в свисте сухого горячего ветра. Оно лежало еще живое, медленно прогибаясь, как бы под тяжестью тысяч больших и малых потоков, несущих миллиарды тонн песка с заоблачных западных хребтов, с огромной северной равнины. Мощной километровой толщей придавили пески дно Великого моря, пока их вновь не одолела вода, пядь за пядью заливая распластанные дельты, печальные берега истомленных долин, прикрывая все это степное пространство тонко отмученным илом. Стремительные рыбы стаи тенью шли на нерест вслед за водой от каменистых кавказских побережий под белые обрывы Жигулей. Новые берега обживали дикие кони, газели, слоны и страусы. Над их костями хохотали ночные глаза гиен, суслики посвистывали, встречая солнце. В море и на берегах ликовала новая жизнь.

Все эти долгие миллионы лет в песках, погребенных плотными глинами, шла неслышно тяжелая работа: густая черная нефть, упорно оттесняя воду, заполняла завоеванные пустоты, тая в себе целебное зловоние будущих звериных ям с истоптанными берегами, чадающий свет зороастрийских факельных капищ, духоту керосиновых лавок, высокооктановое пойло гоночных автомашин, волшебное скользкий нейлон на длинных ногах ветреных красавиц и вспыхивающий в небе инверсионный след за сверхскоростным перехватчиком.

Все эти долгие миллионы лет над грядущей жизнью беспокойно дышало море. Отступало, испепеляя цветущие берега. Накатывалось опять... На скрещении яростных ветров сшибались злобно короткие волны, разрывая в клочья радужные пленки у западного побережья Великого моря – Каспия.

В черном пригороде Баку – Балаханах – стоял деревенский парень из села Джалут Нухинского уезда, коренастый, в черных шароварах, в серой без ворота рубахе: короткая мужицкая шея на широких плечах, усы – гордость мужчины – едва обозначены, взгляд карих глаз пристален и в то же время рассеян. Воловий такой взгляд, отражающий морскую белесую даль, короткие рваные волны, нефтяные колодцы, мазутный песок, избитый тысячами босых ног и злыми каспийскими ветрами. Эдакий телок-несмышлениш, только-только откачнув-шийся от теплого бока буйволицы, от сладких родников материнской груди. Но ноги Макара Михайлова в пропыленных джурабах и кожаных чувяках, мощные крестьянские ноги, прочно припечатали балаханскую землю, и сдвинуть его с этой точки не могли уже ни разноголосый многоязычный гул, ни суета полуголых, черных, как черти, высушенных жарою людей, ни древняя печаль зурначи, пасущего свою заунывную песню над сладковатым нефтяным смрадом. Основа-тельно стоял здесь Макар Михайлов, отрешившись от крестьянской жизни: блескучего железа мотыги, каменной, крошащейся комками почвы – вершкового проникновения в землю. Иная жажда сушила его сердце. Как шелковичное дерево, расцветал для него

шестереночный мир брегета, внятной была скороговорка молотилки, запах горячей на блоках смазки – восхитительным. И глаза его, воловьи, таили в остриях зрачков неутолимую жажду...

Парень этот из села Джалут Нухинского уезда Елисаветпольской губернии, мой дед Макар Моисеевич Микаэлян, по документу – Михайлов, родился в 1867 году. Как явствует из паспортной книжки, звание его, заверенное благородной рукой пристава князя Чавчавадзе, было просто «житель». Стало быть – не крестьянский сын, не купец и не мещанин. Скорее всего – из деревенского цеха мастеровых, передающих свое ремесло от отца к сыну. А поскольку в семье не осталось никаких гордых воспоминаний о славных медниках или чеканщиках, работающих перстни, кинжалы или посуду, то, следовательно, в роду нашем латали да чинили бедную утварь и простодушный крестьянский инвентарь. Дед был неграмотен, имел, как я полагаю, лишь навыки слесарного дела, и промысловая судьба его началась, естественно, с подай-принеси, круглое откатывай, плоское оттаскивай. Поселили его в длинном бараке, где, как водится, по стенам громоздились друг над другом дощатые нары, прикрытые тощими тюфячками, истончившимся до основы рядом, пропотевшей байкой, а то и бог весть какой рванью. Промеж нар стояла узкая плита-печь, на которой промысловики стряпали грубый мужской харч, источающий канонадный запах грузинского пшти, русской похлебки, тюркского кебаба, калмыцкой бараньей лапши. Весь этот интернациональный пар и чад, причудливо смешанны с неистребимой мазутной вонью, держащий на почтительном расстоянии шведских техников и инженеров, не действовал только на обоняние чинов 2-го участка Балахано-Сабунчинского полицеймейстерства, квартировавшего поближе к огнеопасному скоплению люда рабочего. Шел 1885 год, и устои империи то тут, то там ощутимо пошатывало. Деду, впрочем, было не до царских устоев. С поразительной сметкой и быстротою постигал он технологию проходки и крепления нефтяных колодцев, редкостное искусство укрощения огня. Десятником он стал скоро, легко выделившись из сотен окрестных крестьян, занятых отхожим промыслом и тоскующих душными ночами о кизиловом черенке крестьянской мотыги. Столь же скоро он был выцелен острым хозяйским взглядом, окружен доброжелательным пристальным интересом, поощрен приварком к положенному заработку – в деда вложили первые деньги. И суть тут не в одной только сметливой хватке рабочего человека, хватки было немало. Была в его основательном характере та беспокойная черта, которая выше самого профессионального знания, - неутолимая жажда творчества. «Он стал бы поэтом или архитектором, если бы не был нефтяником!» - этого нельзя сказать о деде. Голова его, умелые руки, бессонные его ночи были совершенным образом приспособлены для механического дела: всех этих блоков, талей, полиспаатов, напильников и тисков, затем все более сложных механизмов, сверлильных и токарных, помп и насосов. Медлительный взгляд его озаренно открывал в каждом приспособлении некие возможности усовершенствования, в каждом механизме – нереализованные доводки, в технологическом процессе – завтрашний, а то и послезавтрашний взлет. Родись он где-нибудь на Охте, был бы Путиловский. В подмосковных Мневниках – Трехгорка или Михельсона. Но родился дед в селе Джалут, и судьба распорядилась им на нефтеносном клине Апшерона под железной рукой последнего бакинского концессионера, внука талантливого изобретателя и дельца Эммануила Нобеля.

Клан Нобелей – это идеальная модель, с которой историк может писать, типичный портрет капитализма конца XIX века: мертвая деловая хватки, технический

гений, безжалостность в конкурентной борьбе, острое чувство технического прогресса, чудовищная эксплуатация и расчетливый демократизм в предчувствии неизбежного социального взрыва. Думаю, что изобретательскую судьбу деда во многом определили неистовые хозяйские устремления к господству на Бакинских промыслах, так же, как на судьбе самих Нобелей сказались фантастические возможности для приложения сил и капитала в Российской империи.

Первым в Россию проник Эммануил Нобель, изобретатель подводных мин, основавший в Санкт-Петербурге механический завод, ныне известный нам всем прославленный ленинградский «Дизель». Из четырех его сыновей человечество пестует память об Альфреде Бернхарде, трагически погибшем во время опытов, учредителе Нобелевской премии. Пожалуй, он один не был связан с Россией.

Старший брат учредителя Людвиг решительно расширил и модернизировал Санкт-Петербургский механический, приобрел заодно Тульский оружейный и в 1862 году вместе с младшим Робертом застал первый кусок балаханской земли, на которой вскоре пышно расцвело всемирно известное «Товарищество» Нобелей. Ежели мы вспомним исходившее кровью над голью и рванью тульских рабочих слободок сердце Глеба Успенского, ежели вспомним, говорю, сытых сидельцев над кабацкой завалью в истлевшем тряпье, то можно понять, чьим потом и кровью оплачена была эта балаханская земля. Резво взял Людвиг! Загнанные Манташевы лишь тяжело дышали, видя, как оседает золотая пыль за уносящимся вперед конкурентом. Имя его гремело в России. И, будем справедливы, недаром. Ибо все, что делал Людвиг, было отмечено фамильной печатью –техническим чутьем Нобелей.

Нам с вами, привыкшим к марсианским индустриальным пейзажам Самотлора и парящим эстакадам Нефтяных Камней, и не представить, должно быть, что являли собой промыслы нефти в Баку столетие назад. Толпы полуголых людей вручную рыли колодцы, благо нефть чуть ли хлюпала под ногами. Толпы полуголых людей тяжело крутили воротки, поднимая деревянные бадьи с жирной Балаханской нефтью. Тысячи запряженных волами арб с библейской неспешностью влекли ее в деревянных бочках за двенадцать километров к зыбкой пристани. Здесь волов по избитым копытами трапам заводили на баржи, новые толпы амбалов переливали ее в чаны, и лишь затем усталые пароходы, натужно крича, тянули отяжеленные баржи на север – в Россию и на юг – в дремотную Персию. Людвиг уничтожил эту скрипучую медлительную армаду: первая в державе нитка нефтепровода связала Балаханы с Каспийским берегом. И рассчитанные вчистую амбалы вернулись к привычным тюкам с шерстью, мешкам с ханским рисом, бочкам с шемаханским вином: хозяин изобрел танкер. Получив колоссальную прибыль на снижении себестоимости нефти, Людвиг практически единолично воцарился на Апшероне: свои промыслы; рабочие в хозяйских бараках, кормящиеся от хозяйских же лавок; свой, нобелевский, городок и – своя полиция. Собственно, Баку лежал у него в кармане.

Дед и был принят на работу именно тогда – в пору нахрапистого натиска и разворота Нобелей. Но творческую мысль деда формировали не только и не столько наглядные достижения технического развития, сколько неотложные задачи нефтяного дела. Суть в том, что к тому времени пенки уже были сняты, промыслы порядочно поистожились. Нефть приказывала идти за ней в глубину, вызывая к жизни новую технологию добычи. На смену кирке и лопате, на смену колодцу и скрипящему вороту шагали схваченные стальными бандажами треноги скважин. С многосаженой высоты буровой вышки стремительно рушилось в ахающую землю многопудовое долото;

тяжеленный металлический снаряд, напряженно вибрируя на предельно натянутом тросе, выскребал породу из рвущегося к нефтеносному пласту ствола скважины. Добравшись до нефти, крепили ствол, обсаживая его трубами, и вот уже черная венозная кровь Апшерона, вырвавшись из древней балаханской земли, наполняет нефтепровод, который от знакомой нам пристани устремился на запад, к Эвксинскому Понту, в душный Батум.

Новая технология требовала освоения, новая техника — навыков эксплуатации и ремонта. Дед заявил о себе, видимо, внятно: придя в Балаханы семнадцатилетним неграмотным парнем, через шестнадцать лет он был уже старшим буровым мастером. В конторе промысла ему предоставили отдельную комнатку с телефоном, окладу его сокрушенно завидовали дипломированные техники и инженеры; сам патрон не забывал прилюдно пожать ему руку. Главный инженер промысла отвечал за стратегию поиска и добычи, а вся практическая сторона дела, от бурения до ликвидации аварий на скважинах была за дедом.

Бурение в рыхлых, неустойчивых породах и в наши дни чревато авариями: обрушиваются стенки скважин, прихватывая намертво инструмент на забое; рвутся, не выдерживая нагрузку в соединениях, металлические штанги; заклинивает в породе тяжелые колонны обсадных труб; гибнет труд людей, бесполезно утекает время, пропадает в земле дорогой металл, - ведь его жестко фондируют и сегодня. Думаю, что добрая половина из более чем ста не сохранившихся изобретений деда связана именно с различными приспособлениями для ликвидации аварий. Все эти ловильные трубы и метчики, призванные спасти инструмент, а главное, максимально быстро вернуть работе ее истинную цель и предназначение, оборачивались реками быстрой, внеконкурентной нобелевской нефти. Ежели вспомнить, что к 1901 году одиннадцать миллионов тонн жидкого топлива, то есть половину мировой добычи, откачивали в черных пригородах Баку, то можно понять хозяина – пожимая жесткие ладони деда, он знал, что это золотые руки. Неграмотный изобретатель чеканил Нобелю золотые царские червонцы.

Сам дед, по словам моей мамы – Сато, относился к своим придумкам без пафоса. И право! Что за дело – плевое усовершенствование: обратный клапан желонки? Желонка – это длинная полая труба, открытая сверху и глухо заваренная внизу. Грубо – ведро. Желонку на тросе опускают в скважину и поднимают лебедкой, полную заподлицо глинистым раствором, песком и грязью, наконец, чистой нефтью; затем желонку переворачивают, сливают содержимое, вновь опускают, вновь поднимают, - и так десятки и сотни тысяч раз, пока работает скважина. Операция эта несколько изысканно называется тартанием. Дед внес в операцию одно, но решающее изменение: вместо глухой сварки внизу желонки придумал клапан. Достаточно легкого нажатия, и нефть в считанные секунды освобождает сосуд. И, следовательно, не надобно многократно переворачивать вручную тяжеленную трубу, тратя драгоценное время и силы на черную работу. Как это просто, не правда ли? Это настолько просто, что, осваивая тартание на буровой практике в Загорске, наблюдая с секундомером за процессом тартания в Монголии при поисках воды для Гобийских пастбищ и даже совсем недавно прорабатывая желонкой гидрогеологические скважины в Западной Сибири, я вовсе не задумывался о том, что кто-то изобрел этот клапан. И уж тем более не ведал, что этот и доныне неотъемлемый инструмент любого бурового комплекта приспособил к делу мой дед Макар. Как мало мы знаем о наших дедах и прадедах, как безвозвратно мало! И глядя ныне с обостренным и несколько наивным, что ли,

интересом на все эти резьбы, переходники, ниппеля, подкладные вилки и шарнирные ключи для свинчивания труб, все эти вертлюги и элеваторы, возносящие к небесам стремительные плети стальных шланг на буровых Самотлора, я словно вглядываюсь в пытливые глаза никому неведомых, давно ушедших от нас дедов и прадедов, благодарную память о себе оставивших в умело придуманном и сработанном металле.

Но если мы с вами не помним дедовых дел, то хозяева из своей памяти их не выпускали. Нобель одним из первых ввел в России институт рабочей аристократии. Помните седоусого питерского токаря в солидной черной тройке и вполне буржуазном котелке из трилогии о Максиме? Помните это строгое чувство собственного достоинства, эту гордость мастера? Высокооплачиваемое мастерство иногда закрывает глаза на хозяйский гнет и всеобщее бесправие. Тот мастер, как и мой дед, - открытие изобретательного капитализма в социаль-ной сфере. А цель открытия – подкуп рабочей верхушки. Конечно, Балаханы не Санкт-Петербургский механический, но в том-то и дело, что принцип подкупа повсеместно и неукоснительно сохранялся. Мама помнит, что оклад деду был положен – 125 рублей золотом. Это очень много. Помимо оклада, деда жаловали праздничными и наградными, так что семья жила, прямо скажем, безбедно.

Женился дед поздно, лет под тридцать, на Анне Григорьевне Мурадовой - из богатых тифлисских армян. Юная красавица-жена одевалась по-европейски, волосы носила высоко, читала и писала по-русски, однако супружеский свой долг вполне понимала, едва ли не ежегодно приумножая микаэляновский род. Всего родила она девятых детей, восемь из которых – трое мальчиков и пятеро девочек – выжили. К рождению первенца у них были уже роскошная (по сравне-нию с рабочим бараком) трехкомнатная квартира плюс подвал, оборудованный под мастерскую. Хозяйство вела мать деда, Марьям-бобо, хлопотливые добрые руки которой обмывали, расчесывали, обшивали маму, моих дядей и теток. Красавица Анна, возвращенная в шумном саду закавказской столицы, добавила, я полагаю, долю шарма к реноме странного изобретателя. Эти слова «шарм» и «реноме» я употребляю с умыслом: к гимназии, где учились старшие дети, она подкатывала в казенном шарабане в сопровождении инженера Лябурде, изящного француза, поражая бакинских уличных торговцев лорнеткой на золотой цепочке. В доме по праздникам стали собираться иностранные инженеры с женами. Неизменный восторг и изумление вызывало дедово приспособление, о котором я слышан с детства от домашних. В разгар вечера на маленький, убранный скатертью столик ставили изящный снаряд: нанизанные молодой бараниной шампуры в бархате раскаленных углей. Шампуры начинали медленно и равномерно вращаться, мясо загорало, кольца лука волшебнo золотились. Возможно, это была первая шашлычница-автомат. Гостей восхищал контраст экзотического восточного блюда и хрустких по-европейски скатертей. Мастер пофыркивал в усы, умиротворенно поглядывая на царящую за столом жену.

Умиротворенный мастер, надо признать, все-таки трудно вписывался в атмосферу этих парадных приемов с серебряными столовыми приборами и салфетками голландского полотна. Не в пример вольготнее и естественней дышалось ему на промысле в своем рабочем кругу. А бабушка? Родные дядья Анны Григорьевны владели в Тифлисе ювелирным магазином, племянницу любили и жаловали, так что, как можно догадаться, она с молодых ногтей знала, что почем, и цену деньгам отлично понимала. Житейская ситуация. Поскольку дед Макар в радужных бумажках и желтых кружках не находил никакого серьезного для себя интереса, денежные дела бабушка решительно

взяла в свои нежные ручки. Именно она занималась патентованием, а затем и распространением наиболее важных дедовых изобретений.

Патентование, безусловно, предполагает высокую техническую культуру обоснования самого изобретения. Сравнивая сложные чертежи в одиноких, случайно сохранившихся в семье патентах деда с его корявым факсимиле в паспортной книжке 1912 года, я никак не мог взять в толк, каким образом воплощались идеи самоучки в изящные линии и штриховки, в пронумерованные латинскими буквами зубчатые шестерни, гребни втулок, муфты сцепления и головки патронов. Дед определенно был неграмотен. А коли так, то кто же выполнял за него эту работу? Он, что же, нанимал каких-то студентов? Или брал в долю промысловых инженеров? Но в патентах никаких соавторов не значится. Одно только имя — бурового мастера из Бапаханов — вписано в документы черными, поблекшими от времени чернилами. Так кто же все-таки? Оказывается, неграмотный мастер был настолько ценным для хозяев приобретением, что к началу девятисотых годов Эммануил Нобель прикрепил к нему специальную группу, которая занималась разработкой в чертежах изобретений деда. И до девятисот девятого года ни одно из них не ушло к конкурентам из-под хозяйской руки. Конечно, дед, особенно поначалу, был достаточно легкой добычей для дипломированных плагиаторов, сулившей немалые барыши. Но группой руководил глубоко порядочный человек, господин Зорге, бдительно охранявший приоритет деда. Лишь однажды некий безымянный инженер перехватил идею изобретения, а аналогичная заявка деда поступила в промышленный отдел несколько позже. Заявки совпадали во всем, кроме — у деда — детали, благодаря которой, однако, и работал аппарат. Патент после долгого разбирательства был утвержден на имя деда. Что это было за изобретение, мама не помнит совершенно. Но отлично запомнила, что за него-то дед и был удостоен звания почетного гражданина и соответствующей медали. Тетка Тата уточняет, что медаль была из червонного золота на черной ленте и вручали ее почему-то дома. В семье чудом сохранилось несколько листов ветхой, склеенной полосками бумаги, сшитых трехцветным шнурком. Расплетенный, конец шнурка запечатан белым двуглавым орлом, увенчанным пузатенькой, как бы разваленной надвое царской короной. Это патент на привилегию за № 19335:

«...Привилегия сия выдана буровому мастеру Макару Микаэлянцу, проживающему в с. Балаханах Бакинской губернии, за аппарат для высверливания отверстий в обсадных трубах..., поданному 26 января 1909 года. Правительство не ручается ни в принадлежности изобретений и усовершенствований просителю, ни в пользе оных, но выдачею сего патента лишь удостоверяет, что на упомянутое изобретение прежде сего никому другому в России не было выдано привилегии».

Именно сей патент «за надлежащим подписанием и приложением гербовой печати» министерства торговли и промышленности и стал, как я теперь понимаю, звездным часом деда, главным изобретением жизни. Чтобы понять его значение, заглянем снова на 3-й балаханский промысел, а впрочем, и в любой район современной нефтедобычи от Западной Сибири до Саудовской Аравии. Практически везде нефть добывают из рыхлых песчаников или крайне спокойного неустойчивых песков, обрушивающихся при бурении. До 1909 года скважины глухо обсаживали колоннами труб на всю глубину до нефтеносного пласта. Сам пласт, естественно, был открыт: в нем была высверлена круглая дырка, собиравшая нефть. Через некоторое время пласт обрушивался, начиналась канительная, мучительная работа по чистке скважины, чаще же всего ее просто бросали — легче было пробурить рядом новую дыру. Кроме того,

множество выработок не могли эксплуатировать вообще, поскольку породы нефтеносных пластов обрушивались еще в процессе разведочного бурения. Природа упорно сопротивлялась. Дед, проявив уникальное по тому времени понимание самой сути процесса, или, как говорят нефтяники, технологии сооружения скважины на нефть, первым в мире предложил обсаживать трубами всю скважину, включая нефтеносный пласт. Затем в нее к любому требуемому интервалу глубин опускали на бурильных штангах изобретенный им аппарат. Он высверливал в горизонтальном направлении аккуратные отверстия, через них в трубы и поступала нефть, напитывающая пласт под давлением. Это в корне изменило всю технологию бурения нефтяных скважин, резко повысило КПД каждой эксплуатируемой выработки, позволило намного расширить промысловые площади. Собственно, принцип изобретения сохранился: и сейчас во всем мире нефтяные скважины глухо обсаживают трубами, только в нефтеносных интервалах трубы и пласт перфорируют не механическим сверлением, а направленными зарядами. Простреливают.

Эммануил Нобель, теперь уже не успевавший заливать танкеры, рассчитанные на прежние количества нефти, помимо щедрого денежного вознаграждения, растроганно презентовал деду концертное пианино – сверкающий черным лаком и медью подсвечников нежнострунный и полнозвучный «Мюльбах». Деда стали величать «учителем». Администрация настойчиво предлагала ему переехать в Швецию для подготовки кадров и свободной творческой работы. Наконец, в 1913 году деда посетил прибывший в Россию патрон, интеллигентный пожилой господин среднего роста. Патрон настаивал, дед меланхолично отнекивался. В залу, где царил подаренный «Мюльбах», патрон попросил пригласить старших детей. Вошли дядя Шура, тетя Оля и моя будущая мама, Сато. Тогда ей было тринадцать лет. Патрон торжественно обещал дать всем троим образование за счет фирмы в лучших европейских университетах. Разумеется, если дед согласится работать в Швеции. Дед категорически отказался. Что-то его никак не устраивало в этой нобелевской комбинации. Сдается, я понимаю, что Дед был рабом своего таланта – да! Но и относительное благосостояние свое, и славу, и лавры не мог он отгородить, а тем более оторвать от этой мазутной земли, политой потом полуголых, черных, как черти, высушенных жарою людей. Людей, называвших его Мастером...

Кибальчица, за час до казни сочинявшего ракету будущего, окружали не только казематные стены Петропавловской крепости: за стенами была Россия, дорогие друзья и смертельные враги, светились березы и никли вербы над тихой водою. Над кирпичными сводами подвала, где дед упоенно вытачивал, сверлил и тесал, звучала, переплетаясь, русская, азербайджанская, армянская речь, и звук ее по нарастающей силе не уступал порывам плотного каспийского ветра. Трехкомнатная квартира деда выходила в коридор с общей кухней и открывалась дверь в дверь с соседом, машинистом-компрессорщиком Кобелевым. Дочери машиниста дружили с дедовыми детьми. В гости к соседу приезжала сестра, очень приятная и располагающая к себе женщина, не скрывавшая своих, тогда опасных, демократических убеждений. Она приезжала всегда со своим светлоглазым сынишкой, который сразу же включался в общий круг детских игр и забав. Минет время, имя этого светлогоглазого – Рихард Зорге – облетит мир.

На втором этаже под негласным надзором полиции жил господин Дегтярев, с открытым неодобрением поглядывавший на закупленного хозяевами рабочего. В 1917

году большевик со второго этажа активно включится в строительство Советской власти на Апшероне.

Время от времени к деду – обычно в подвал-мастерскую – заглядывал двоюродный брат Мулкум, добрый человек, но не очень-то разговорчивый. Мама не знала, что так упорно влекло Мулкума в подвал, ключ от которого в единственном экземпляре дед всегда носил с собой. Но однажды Мулкум принес и тайком дал ей подпольно отпечатанную книгу, которая взорвала ее благополучный детский мир. Книга рассказывала о положении рабочих на бакинских промыслах, тех самых, откуда плыли в дом достаток, общее уважение и лакиро-ванное пианино. Это Мулкум отвезет семнадцатилетнюю Сато в Баку, познакомит ее со Степаном Шаумяном и Алешей Джапаридзе в узком коридоре Бакинского Совета... Мулкума впоследствии зверски распнут мусаватисты в пыльном провинциальном городке, куда пошлет его партия.

Он дневал и ночевал на промысле, трудяга в мазутной робе; мозоли его рук помнили бычье сопротивление ворота, бугры его мышц знали тяжесть полной желонки, жилы на его шее взбухали кровью, когда заваливало породой колонну обсадных труб. И все изобретения, обогащавшие Нобелей, он придумывал лишь затем, чтобы распрямить напрягшиеся спины, ослабить хватку скрученных узлами вен рабочих рук его друзей. Дважды в год во дворе его дома сходились промысловики за большими дощатыми столами, уставленными дымящейся бараниной, лавашем, жареной рыбой и птицей, горами восточных сладостей. Праздники эти, где сидели плечом к плечу христиане, мусульмане и безбожники, длились по нескольку дней, значительно облегчая семейный кошелек и, должно быть, несколько наивно успокаивая совестливую душу деда. А на побережье Апшерона уже накатывались грозные валы начала века со сходками, тайными кружками, расстрелами, стачками и погромами.

Ему было пятьдесят, ровно половина кавказского века, когда Степан Шаумян, вождь и любимец бакинской голи, провозгласил в Баку Советскую власть. Дед принял ее сразу, без вопросов и сомнений. Жена его к тому времени в одночасье скончалась, и счастье свое он по-прежнему находил в работе: на том же промысле, с теми же рабочим, для которых он был все тот же свой Мастер; в бессонных ночах в любимом подвале; в детях, которые постигали ЗНАНИЕ, вызывавшее у него чуть ли не религиозное благоговение. Первенец, Александр, уже получил диплом агронома. Он играл дома Шопена и Мендельсона, Оленька заканчивала педагогический факультет в Баку. Мама Сато счастливо нашла себя на медицинском факультете Саратовского университета. Дети собирались вокруг него вечерами, объясняли ему алгебраические символы, и он, схватив суть, мгновенно решал в уме хитрые задачи, простодушно радуясь вместе с ними, что ответы волшебным образом сходятся. Марьям-бобо любовно обихаживала малышей. Чего еще было желать постаревшему Мастеру?..

Но Баку, исхлестанный злыми каспийскими ветрами, благословенный Баку, апшеронский брильянт в черной оправе нефти, еще не видел и минуты счастья.

30 марта 1918 года мазутная армия Степана Шаумяна разгромила вспых-нувший в городе кровавый мятеж мусаватистов. Через три месяца послушная воле кайзера турецкая армия двинулась к бакинской нефти, вырезая гяуров под радостные вопли продажного «Мусавата». 25 июля сомлевшие от страха эсеры, дашнаки и меньшевики бросились в объятия англичан, подбирившихся к нефти из Ирана. 30 июля турки вгрызлись в пригороды, англичане – в причалы. 4 августа Баку оккупировала британская матросня, чтобы ровно через сорок дней, как и предсказывали большевики, бросив беззащитный город в кровавую мясорубку, поспешно загрузиться на отходящие

транспорты. 15 сентября власть перешла к «Мусавату», фактически к турецким пашам немецкой выучки, к пьяным от крови шайкам фанатиков, захомотавших оглушенных национализмом азербайджанских крестьян и рабочих.

Семью деда спрятал в подвале своего дома в нобелевском городке Петр Степанович Полукаров, чья жена после смерти Анны Григорьевны опекала дедовых детей, заменяя им мать. Старших – Оленьку, Тату, Марию и Котика – укрыли под трубами парового отопления. Дед с Марьям-бобо, пятилетним Левою и трехлетней Элей схоронились прямо под крышкой люка. Русские рабочие, их жены и дети носили им еду. Когда в городок ворвались турки, дети остались без воды. Марьям-бобо, растившая их всех с пеленок, вышла за водою, потеряв разум от горя. Ее схватили тотчас же, выволокли и деда с малышами, били смертно, требуя дочерей. Дед, окровавленный, твердил по-турецки, что дочерей в Балаханах нет. Тогда на глазах его, на глазах малых его детей повели обезумевшую Марьям-бобо к мазутному озеру («Вай ме, дети! – причитала она. – Вай ме!») и кинули расстрелянную в мазут на трупы зарезанных армян.

Снова вернулись, немецкими штыками пронзали половицы, добираясь до девочек. Сталь, скользнув по щеке, прошла сквозь густые черные волосы Таты. Еще в юности заиндевела ее косы, насмерть остуженные штыком. Потом повели убивать деда с детьми. Он шел, ведя их за руки навстречу пожарам, кровавым фескам, необъятным черным папахам над оскаленными ртами. Его вырвал из неизбежной и мучительной смерти главарь толпы этих черных папах, бросив-шийся на турок с воплем, что это их друг их Уста, его нельзя стрелять из нагана и резать кинжалом. Они, эти черные папахи, эти черные от нефти руки азербайджанских рабочих, отбили у турок деда и детей, спрятали, охраняли и кормили их, пока не кончился весь этот ужас. Когда кончился этот ужас, Петр Степанович вынес старших из подвала. Русские женщины кричали над ними: красавицы Оленька, Тата, Мария, высохшие как скелеты, лежали, уронив руки с прокушенными пальцами, с которых они слизывали кровь, изнемогая от страшной жажды. Их выхаживали, как родных, отец и мать Полукаровы, дочери Антонина и Тая. Тетя Тая...

Тетя Тая – подруга салаханского детства мамы Сато, врач, жена Петра Белоусова, друга и соратника Валерьяна Куйбышева. Я увижу ее впервые в 1956 году, высокую, широкоглазую, красивую несказанно, увижу и еще долго не пойму, о чем они с мамой так горько, так сладко рыдают.

Дядю Леву, которого дед в восемнадцатом году вел навстречу смерти, привезет к нам в Москву вьюжной февральской ночью 1945 года из Восточной Пруссии красавец сержант, и тут я увижу впервые своего дядьку, старшину армейской разведки, от ворота до ремня в броне орденов и медалей, и меня долго будет преследовать этот страшный звон медалей на трясутемся человеке, прозвучавший прежде, чем мы услышали от него первое членораздельное слово.

Боже мой, сколько разных людей и судеб заплетено в судьбу дедова рода: Нобель и распятый Мулкум, тетя Тая и красавец сержант, спаситель азербайджанец и Рихард Зорге, изящный француз Лябурде и Александр Павлович Серебровский, первый председатель Азнефти.

Дед не вернулся в Балаханы, в разоренный дом с варварски разгромленной мастерской. После стремительного освобождения Азербайджана и образования в 1920 году АзССР он обосновался в пустой квартире в доме № 20 по Миллионной. Снова у деда не было ничего, кроме рубахи на плечах и спасенного Полукаровыми «Мюльбаха». Да еще имя, известное на всех бакинских промыслах. А работы поприбавилось: нужны

были свои, советские кадры, нужны были опыт деда и его изобретения, срочно, сверхсрочно нужна была нефть. Когда мама Сато вернулась из Саратова в Баку, дед, уже тяжелобольной, был на пенсии. Но снова, как в старом балаханском доме, он вставал ночью, одевался и до рассвета тихо ходил мягкими ровными шагами, заложив руки за спину, набычив крупную свою голову на мужицких плечах. Выхаживал очередное изобретение.

12 сентября 1924 года ЦИК и ВСНХ приняли постановление о патентах на изобретения. 12 мая 1926 года дед запатентовал – за № 4739 «Сифонный аппарат для перемещения жидкостей». Вместо белой гербовой печати с двуглавым орлом в левом нижнем углу – строгая звезда, в центре которой круглится земной шар с серпом и молотом, а обнимающие его колосья схвачены знаменами союзных республик. На глазах деда нефтяники Каспия превзошли довоенный нобелевский уровень добычи, над черной балаханской землей закачались черные папахи балансиров; его желонки взлетали над скважинами, его гидравлические домкраты задавливали в землю тяжелые колонны обсадных труб, его сверлильные аппараты перфорировали сталь, давая дорогу советской нефти.

Дед продолжал ходить по квартире, набычив голову, всю ночь напролет, словно там, за рассветными окнами кто-то вычерчивал ему на подсиненной кальке умные компактные чертежи, словно само утро дарило ему открытия.

Утро 11 июня 1929 года подарило ему благодарность народа. Газета сообщила:

«РАБОЧИЙ МИХАЙЛОВ – ГЕРОЙ ТРУДА

АзЦИК присвоил звание Героя Труда рабочему Макару Михайлову за сорокапятилетнюю работу на нефтяных промыслах, за плодотворную деятельность его в области изобретений, которые с успехом применяются в нефтяном деле.

Тов. Михайлов изобрел аппарат для сверления отверстий в обсадных трубах, аппарат для задавки колонн, предохранительные для тартания желонки и т.д.»

Грамоту вручал Председатель АзЦИКа:

«Азербайджанский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских (Красноаскерских) и Матросских депутатов в ознаменование исключительных заслуг, оказанных тов. МИХАЙЛОВЫМ, он же МИКАЭЛЯН МАКАР МОИСЕЕВИЧ, перед АзССР в области нефтяной промышленности в течение 45-летней работы на нефтяных промыслах и ряда изобретений, с успехом применяемых в нефтяном деле, ПОСТАНОВЛЯЕТ ПРИСВОИТЬ ЕМУ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ ТРУДА».

Один из первых в республике Героев Труда, в прошлом неграмотный парень из села Джалут, продолжал ночами ходить по спящей квартире, обдумывая, как приладить предохранительную решетку к появившимся в Баку трамваям, чтобы босоногая базарная пацанва, деточки, как он говорил, не попадали под стальные колеса. Под кроватью лежал железный кожух, который надобно было начинить живым, умно организованным металлом. Он останавливался лишь затем, чтобы прислушаться, как спит мама Сато, обещавшая ему первого внука. И когда родился беленький, голубоглазый Олежек, дед словно помолодел. Он пел забытые колыбельные, петые в далеком Джалуте доброй Марьям-бобо, мечтал передать внучку свою сладкую страсть, свое инженерное видение мира. Сыновья не унаследовали, увы, его любовь к технике.

26 января 1932 года дед по обыкновению сидел у детской кровати и, глядя на маму Сато печальными глазами, в который раз упрашивал выучить внука на инженера. На следующее утро проснулся он рано, радостно собрался на базар, скоро вернулся с корзиной, полной припасов. Мама Сато, кормящая сына, слышала, как дед бежит через комнаты. Он распахнул дверь в спальню, засмеялся, счастливый, и со словами «Корми, расти его!» вдруг стал плавно и медленно оседать по стене...

В моей московской квартире правнучка деда Макара Елена играет «К Элизе». Все так же полнозвучен и мягок старый «Мюльбах», переживший все погромы, пожары, бомбежки и артобстрелы. Давно покинул родительский дом Олег, окончивший факультет техники разведки Московского геологоразведочного института. Кудри его, прошитые густой сединой, побурели, глаза с возрастом потемнели. Острые такие глаза с упрямым прищуром. Он давно уже кандидат технических наук, первый внук деда Макара Михайлова; и внешне похож, только усы современные – жесткая щеточка. А должность его – инженер. Точнее, главный инженер производственного объединения СЕВУКРГЕОЛОГИЯ, где, считают, утвердилась самая передовая в стране технология разведочного бурения.

Игорь Зайонц